

Айдарова Алсу Мирзаяновна, Лебедев Эдуард Евгеньевич

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОМ, ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Глаголы занимают центральное место среди большого арсенала языковых средств, репрезентирующих поведение человека. В данной статье представлены результаты анализа структурных особенностей глаголов поведения в трех языках (русском, татарском и английском). Изучение семантики глаголов поведения невозможно без обращения к их структурной организации. Авторы делают вывод о том, что глаголы поведения в русском, татарском и английском языках не являются единообразными: в их составе выделяются как простые, так и составные глагольные единицы при наличии общей инвариантной семы "вести себя".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 273-276. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

OPERATIONS WITH SYMBOLS IN THE TEXTS OF THE RUSSIAN ROCK POETRY

Avdeenko Ivan Anatol'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur
iavdeenko@mail.ru

The article considers the cognitive operations with symbols in the texts of the Russian rock poetry. It is shown that these operations are reduced to the following – actualization and semantization. In this case, the main types of actualization (the allocation of a symbol as such against the background of other words) are the creation of a special quality of the context and the increase in the number of uses, and the main types of semantization are placing in the context with units of the opposite or heterogeneous semantics or in the context of units (signs or symbols) with a relatively definite vector of interpretation.

Key words and phrases: symbol; actualization; semantization; context; Russian rock poetry.

УДК 811.111'367=811.161'367

Глаголы занимают центральное место среди большого арсенала языковых средств, репрезентирующих поведение человека. В данной статье представлены результаты анализа структурных особенностей глаголов поведения в трех языках (русском, татарском и английском). Изучение семантики глаголов поведения невозможно без обращения к их структурной организации. Авторы делают вывод о том, что глаголы поведения в русском, татарском и английском языках не являются единообразными: в их составе выделяются как простые, так и составные глагольные единицы при наличии общей инвариантной семы «вести себя».

Ключевые слова и фразы: глагол поведения; структура глагола; семантика глагола; словообразовательное значение суффикса; синтетический глагол; аналитический глагол; вспомогательный глагол; фразовый глагол.

Айдарова Алсу Мирзаяновна, к. филол. н.

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
aidalmir@yandex.ru

Лебедев Эдуард Евгеньевич, к. филол. н.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары
edlebed@gmail.com

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОМ, ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Среди разноструктурных средств, способных номинировать человеческое поведение, особое место в лингвистических исследованиях [1, с. 14] отводится глаголам. В данной работе под глаголами поведения понимаются глаголы, в семантической структуре которых содержатся инвариантные семы «вести себя как-либо» или «вести себя как-либо по отношению к кому-либо». Исследование семантических особенностей и выявление межязыковых эквивалентов таких глаголов в разноструктурных неродственных языках не представляется возможным без обращения к их структурной организации.

В данном исследовании были подвергнуты анализу 608 глаголов поведения в русском языке, 358 глаголов – в татарском, 420 глаголов – в английском.

Основной массив глаголов поведения *русского языка* представлен производными лексемами, образованными от субстантивных и адъективных основ. Анализируемые глаголы образуются посредством широкого инвентаря деривационных средств, а именно: суффиксации, префиксации, постфиксации, а также их различных сочетаний.

При образовании глаголов поведения шире всего используются такие суффиксы, как *-ить, -иться, -ствовать / -овать, -ничать / -ичать*, а также постфикс *-ся*, реже суффиксы *-вать, -ировать, -изовать, -овать / -евать, -изировать, -еть, -ать*. Суффиксы активно участвуют в преобразовании основы для создания нового наименования, «соотносящегося с комплексным явлением экстралингвистической действительности и актуализирующим это явление в языке» [3, с. 40].

Отметим, что подавляющее число глаголов поведения мотивируется названиями лиц (*холопствовать, бездельничать* и т.п.), в отдельных случаях глаголы мотивированы названиями животных (*обезьяничать, петушиться*):

Я давно тебя искал, хотел с тобой познакомиться, но ты все петушился (Дворецкий Л. Шакалы) [6].

Имена-мотиваторы глаголов, по мнению И. Улуханова, несут «отрицательно-характеризирующее значение», которое передается и глаголу [8, с. 61].

Наиболее продуктивными суффиксами при образовании глаголов поведения являются *-ничать / -ичать* (используются в 17% от общего количества глаголов поведения русского языка), *-ствовать / -овать* (в 10% от общего числа исследуемых глаголов). Перечисленные словообразовательные единицы регулярны и образуют глаголы со схожими значениями:

1) «совершать действие, свойственное лицу и животному, которые названы мотивирующим словом» [5, с. 301], «поступать так, как свойственно лицу, названному мотивирующим словом» [Там же, с. 457]: *лентяйничать, лакействовать*;

2) «проявлять свойство, которое названо мотивирующим словом» [Там же, с. 301], «проявлять признак, заключенный в мотивирующем слове» [Там же, с. 457]: *малодушничать, мудрствовать*. Видно, что в значении суффиксов заключен «поведенческий» смысл.

Среди глагольных лексем со значением поведения в русском языке достаточно распространены (примерно 33% исследуемого материала) глаголы с финалью *-ся*, характеризующиеся «подчеркнутой замкнутостью действия в сфере субъекта, его интересов» [Там же, с. 463]: *рисоваться, хвастаться, конспирироваться* и т.д.

В русском языке среди глаголов поведения выявлены производные глаголы. В работах А. А. Аминовой [2], В. Г. Фатхутдиновой и Л. В. Красильниковой [9] подчеркивается связь производных слов с понятиями ценностной и социокультурной нормами личности. Исследователи указывают, что производный глагол подчеркивает типовой, наиболее существенный для данной языковой общности признак [2, с. 5], а возникший в результате деривации новый глагол поведения «служит обозначением известного поведенческого стереотипа» [9, с. 136]. Например, для описания безнравственного поведения, в частности, пьянства, широко используются глаголы с конфиксом *на-...-ся*, которые обозначают действие, совершенное «в достаточной степени», «состояние удовлетворения или пресыщения в результате длительного и интенсивного совершения этого действия» [5, с. 276], например: *набраться, напиться, нажраться, накачаться, нахлестаться* и др.:

Илюшка вон так набрался, что на третий этаж еще раз взобраться не может, меня попросил передать (Берсенева А. Полет над разлукой) [6].

В татарском языке структура глагольных лексем, репрезентирующих поведение человека, весьма неоднородна: в нашей выборке имеются как синтетические, так и аналитические глаголы поведения.

Простые глаголы поведения образованы от производящих основ, в качестве которых выступают как собственно татарские слова (*этэчләнү – петушиться* (здесь и далее перевод авторов статьи. – А. А., Э. Л.), *ерткычлану – зверствовать*), так и заимствования (*ловеласлану – ловеласничать, попугайлану – попугайничать, фарисейлану – фарисействовать*), например:

Язучының соавторы булырлык рәссамнар бөтенләй диарлек юк. Кайберәүләр: «Этэчлән әле, этэчлән!» – дип утыралардыр, мөгаен (Миңнуллин Р. Әсәрләр. 5 том) [7]. / букв. Среди художников практически нет тех, кто бы мог стать соавтором писателя. Кто-то, возможно, подумает: «Петушишь, петушишь!».

При образовании глаголов поведения в татарском языке шире всего используются суффиксы *-лан / лән, -ла / лә*. Применительно к исследуемому материалу чаще всего данные суффиксы образуют глаголы от субстантивных и адъективных основ (*төлкеләнү – лисить, шамакайлану – паясничать, ялкаулану – лениться*).

Приблизительно 13% нашего материала в татарском языке составляют аналитические глаголы, которые, как известно, распространены во всех тюркских языках. Отметим, что подобные аналитические конструкции изучаются давно и детально как в татарском языке [2; 4], так и на материале иных тюркских языков [10]. К аналитическим глаголам относятся собственно сложные (*хьянэт итү – изменять*), сложно-суффиксальные (*мин-минләнү – ванилаться*), парные (*боргалану-сыргалану – кокетничать*) и составные (*аптырап калу – растеряться*) глаголы. Применительно к нашему материалу рассмотрим особенности сложных и составных аналитических глаголов.

Сложные глаголы поведения образуются от имен, звуко- и образоподражательных слов посредством словообразующих вспомогательных глаголов *итү – делать, поступать, булу – быть, являться, кылу – творить, кылу – становиться, ясау – делать, поступать*: *башибаштаклык итү – самовольничать, гайрэт итү – геройствовать, эрәм-шәрәм итү – разбазаривать, гәнаһ кылу – грешить, зина кылу – изменять, залимлек кылу – тиранствовать, исраф кылу – тратить* и пр.

Составные глаголы поведения представляют собой бивербальные конструкции. Вторым компонентом таких конструкций являются словообразующие модифицирующие глаголы, уточняющие, дополняющие значение основного глагола. Так, например, словообразующий модифицирующий глагол *китү* выражает приобретение какого-либо качества, свойства или какого-либо качества в большей степени (*усалланьп китү – разозлиться, батырланьп / гайрэтләнеп китү – расхрабриться*). Модифицирующий глагол *калу* обозначает действие, целиком охватывающее субъекта (*аптырап калу – растеряться, куркып калу – напугаться*), например:

Көтелмәгән сораудан Гөлия аптырап калды (Дәрзаман Ж. Тузганак) [7]. / букв. Гулия растерялась, услышав неожиданный вопрос.

То же значение выражает и глагол *төшү* (*каушап төшү – растеряться*).

В английском языке основной массив глаголов поведения представлен простыми по структуре глаголами, например: *grudge – жалеть, скупиться* (здесь и далее перевод авторов статьи. – А. А., Э. Л.), *flaunt – рисоваться, щеголять, loaf – бездельничать, pretend – притворяться* и т.п. В нашей выборке среди глаголов английского языка обнаружены глаголы поведения, сочетающиеся с рефлексивным местоимением *oneself*, без которого эти глаголы не содержат в себе «поведенческого» значения. Данные глаголы соответствуют русским глаголам с постфиксом *-ся*, например: *congratulate oneself – гордиться, forget oneself – забываться, inflict oneself – навязываться*, например:

She congratulated herself on her powers of deduction [11]. / букв. Она гордилась своими способностями к дедукции.

Приблизительно четверть (26%) массива глаголов поведения английского языка образуют фразовые глаголы, например: *chicken out* – *малодушничать*, *get around* – *обходить, избегать*, *show off* – *хвастаться*, *выставлять напоказ*. Необходимо отметить, что до сих пор среди зарубежных лингвистов окончательно не определена уровневая принадлежность и языковой статус таких сочетаний. Отсутствует и единство в наименовании таких глаголов. Наиболее распространенным является термин *particle verb* [12] – букв. *глагол с частицей*.

Вторым компонентом фразовых глаголов в составе глаголов поведения английского языка являются частицы адвербиального (*away, back*), предложного (*into*) и предложно-адвербиального характера (*about, around, down, in, off, on, over, out, round, through, up*). Наиболее продуктивными среди них являются частицы *around, about, round, up*. Первоначальные значения постпозитивных элементов в составе фразовых глаголов накладывают свой отпечаток и определяют употребление образованных с их помощью фразовых глаголов в рамках конкретных семантических группировок. Так, например, послелого *around, about* со значением *вокруг, везде, повсюду, рядом, возле* употребляются во фразовых глаголах, относящихся к группе глаголов безответственного поведения: *hang around / about, loaf around / about* – *бездельничать, шататься, sit around / about* – *сидеть без дела, fiddle around / about* – *возиться, bum around / about* – *бездельничать, болтаться* и др.; группе глаголов безнравственного поведения: *fool around / about* – *распутничать, гулять, развлекаться, screw around* – *быть неразборчивым в половых связях, sleep around* – *распутничать*; группе глаголов неуравновешенного поведения: *run around / round* – *хлопотать, rush around / about / round* – *суетиться*, например:

He has earned the right to loaf around a bit if he likes [11]. / букв. *Он заслужил право при желании немного побездельничать*.

Таким образом, глаголы поведения русского и татарского языков находят общие признаки в плане своих словообразовательных особенностей. Так, и для русского, и для татарского языков наиболее продуктивным способом образования анализируемых глаголов является суффиксация. Наиболее продуктивные суффиксы *-ничать / ичать, -ствовать / овать, -ить, -иться* в русском, *-лан / лэн, -ла / лэ* в татарском языке содержат потенциальное «поведенческое» значение. Русский язык характеризуется развитой системой внутриглагольной деривации. Достаточно продуктивны при образовании производных глаголов поведения префиксация и конфикация; при этом межъязыковые корреляции в русском и татарском языках образуют префиксальные и бивербальные глаголы соответственно. С точки зрения структуры выявляются общие черты у глаголов поведения татарского и английского языков. В татарском языке функционируют бивербальные образования, глаголы со структурой «существительное + глагол», в английском языке распространены глаголы со структурой «глагол + постпозитив». Вторые элементы таких аналитических образований дополняют значение первого элемента, в отдельных случаях модифицируют и полностью переосмысляют его. В целом отметим, что широкий ряд словообразовательных формантов, которые имеют в своем арсенале русские глаголы поведения, позволяет им более подробно членить семантическое пространство; татарские и английские глаголы достигают того же результата благодаря своим комбинаторным возможностям.

Итак, с точки зрения структуры глаголы поведения в трех исследуемых языках (русском, татарском и английском) не являются единообразными: в их составе наличествуют как простые, так и составные глаголы, объединенные общей инвариантной семьей «вести себя». Подобный анализ необходим для понимания сходств и различий в образовании семантики поведения в трех исследуемых языках, а также для выявления межъязыковых эквивалентов глаголов поведения в разноструктурных языках.

Список источников

1. Айдарова А. М. Языковые средства номинации поведения человека в современных исследованиях (на материале русского, английского и татарского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. 2. С. 13-15.
2. Аминова А. А. Внутриглагольная деривация в русском и татарском языках (сопоставительный аспект): дисс. ... д. филол. н. в форме научного доклада. М., 1995. 70 с.
3. Вильданова Э. М., Гиляева Э. Н. К вопросу изучения семантики словообразовательных значений суффиксов прилагательных английского и турецкого языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53): в 3-х ч. Ч. 2. С. 39-42.
4. Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. М.: Наука, 1982. 150 с.
5. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразовательных единиц. М.: АСТ; Астрель, 2005. 636 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.01.2018).
7. Татарский национальный корпус «Туган тел» [Электронный ресурс]. URL: http://web-corpora.net/tatar/search/?interface_language=ru (дата обращения: 10.01.2018).
8. Улуханов И. О соотношении синонимичных словообразовательных морфем: на материале глагольных суффиксов // Studia Rossica Posnaniensia. 1974. Т. 6. S. 55-84.
9. Фатхутдинова В. Г., Красильникова Л. В. Словообразовательная семантика глаголов поведения в русском языке // Филология и культура (Philology and Culture). 2016. № 1 (43). С. 133-139.
10. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 276 с.
11. English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 10.01.2018).
12. Thim S. Phrasal Verbs: The English Verb-Particle Construction and Its History. Berlin – N. Y.: De Gruyter Mouton, 2012. 302 p.

STRUCTURAL PECULIARITIES OF VERBS OF BEHAVIOUR IN THE RUSSIAN, TATAR AND ENGLISH LANGUAGES

Aidarova Alsu Mirzayanovna, Ph. D. in Philology
Naberezhnye Chelny Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
aidalmir@yandex.ru

Lebedev Eduard Evgen'evich, Ph. D. in Philology
Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary
edlebed@gmail.com

Verbs occupy a central place among the large arsenal of language tools that represent human behaviour. The article presents the results of the analysis of the structural features of verbs of behaviour in three languages (Russian, Tatar and English). The study of the semantics of verbs of behavior is impossible without resorting to their structural organization. The authors conclude that the verbs of behaviour in Russian, Tatar and English are not uniform: they include both simple and compound verbal units in the presence of the general invariant seme "to behave".

Key words and phrases: verb of behaviour; verb structure; verb semantics; derivational meaning of suffix; synthetic verb; analytical verb; auxiliary verb; phrasal verb.

УДК 811.1/8

Статья посвящена изучению случаев креолизации языковой игры как семиотического феномена. Дается описание индексальной, символической и иконической языковой игры. Креолизованная языковая игра рассматривается как разновидность иконической игры на материале анекдотов-комиксов, анекдотов-смс, анекдотов-карикатур, анекдотов-«интернет-открыток» и анекдотов-демотиваторов. Исследуются случаи полной креолизации, связанные с использованием доминирующих и равноценных иллюстраций, случаи частичной креолизации, связанные с использованием сопровождающих и декоративных иллюстраций. Рассматриваются примеры реализации языковой игры, связанной с использованием омонимов, омографов, паронимов, а также парапиктографем в креолизованном тексте с равноценной иллюстрацией.

Ключевые слова и фразы: языковая игра; анекдот; креолизованный текст; парапиктография; семиотика; знак-символ; знак-икона; знак-индекс.

Александрова Елена Михайловна, к. филол. н., доцент
*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва*
elena_751@mail.ru

КРЕОЛИЗОВАННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Юмористический креолизованный текст стал объектом научных исследований сравнительно недавно. Специфика такого рода текстов рассматривается в работах Ю. С. Чаплыгиной [9], Е. В. Козлова [6], О. А. Ворониной [3], Ю. В. Шуриной [10], М. Б. Ворошиловой [4, с. 93-140], А. В. Сивцевой [8], Е. М. Александровой [1], Л. С. Гуторенко [5], Е. В. Юрьевой [11] и др. Особый интерес представляют случаи креолизации феномена языковой игры, получающие все большее распространение.

Для описания креолизованных форм языковой игры в данной статье используется семиотический подход. В свете семиотики языковая игра предстает как использование «лингвоигрового» потенциала знаков языковой личностью с целью привлечения внимания адресата к вновь созданным языковым формам. Раскрытие потенциала знаков может быть связано с изменением их синтагматического и/или парадигматического окружения, направленным на реализацию таких характеристик знака, как его неоднозначность и/или несочетаемость / необычная сочетаемость с другими знаками с целью достижения необходимого эффекта, чаще всего комического.

Знаки, вовлеченные в языковую игру, могут иметь разную природу. Основатель семиотики Чарльз Пирс еще во второй половине XIX века на основании классификации взаимоотношений знака и его объекта (синонимично используются термины: форма и денотат, знак и предмет, знак и референт, означающее и означаемое и проч.) выделил три базовых типа знаков: 1) *знаки-иконы* (или иконические знаки, иногда их называют знаками-копиями, знаками-изображениями); 2) *знаки-индексы* (индексальные знаки, или знаки-признаки); 3) *знаки-символы* (символические знаки, или условные, конвенциональные знаки) [7].

В языковой игре, представленной в анекдотах, в качестве знаков, как правило, выступают *знаки-символы*, а именно слова, которые связаны с денотатом условно. *Знаки-индексы*, например жесты, могут быть использованы в устных анекдотах, тогда как *знаки-иконы*, например рисунки, фотографии, используются в анекдотах, существующих в виде письменных текстов, которые в современной культуре получают все более широкое распространение.